

Александр Валентинович Амфитеатров

Красное яичко

Александр Валентинович Амфитеатров

Красное яичко

Аннотация

«Каждый праздник нисходит на землю, как некий царь, – в сопровождении ярко расцвеченной свиты обычаев, преданий, поверий, примет и суеверий, накопленных веками, в пышном ореоле символов, часто заслоняющих в мировоззрении среднего человека религиозную или историческую основу празднуемого события. Так, – за блеском легенды о «святом», за лучезарным сиянием поэтического венца вокруг его головы, теряются зрительные представления о действительных чертах его лица...»

Александр Амфитеатров

Красное яичко

Каждый праздник нисходит на землю, как некий царь, – в сопровождении ярко расцвеченной свиты обычаев, преданий, поверий, примет и суеверий, накопленных веками, в пышном ореоле символов, часто заслоняющих в мировоззрении среднего человека религиозную или историческую основу празднуемого события. Так, – за блеском легенды о «святом», за лучезарным сиянием поэтического венца вокруг его головы, теряются зрительные представления о действительных чертах его лица. Наиболее резкий пример, как история святого может быть совершенно уничтожена поэтической легендой о нём, представляет собою жизнеописание св. Георгия, рыцаря-патрона «старой весёлой Англии», в действительности же александрийского епископа в четвёртом веке, притом далеко не блестящего в ряду великих мужей тогдашнего мощного христианства. Полюбившийся символ заслонил в веках человека. Для множества людей, праздник – также, прежде всего символ: Рождество – это детская ёлка; Троица – берёзки, цветы, гирлянды, крестный ход; Иванов день – потешный костёр, расцвет папоротника, шуточное кладоискательство; Вербное воскресенье уже одним названием своим обличает символ, с ним сопряжённый; Успение – праздник дожиночного снопа, а на юге – первой

кисти винограда; Преображение сльвёт в народе Спасом на яблоках, в отличие от Спаса на воде и Спаса на меду. Христианство, таким образом имеет своих язычников, бессознательно сближающих религии, происшедшие из Евангелия с пантеизмом древних извечных культов; жизнь Христа комментируется для них годовым оборотом жизни природы, Бог всеобъемлющей любви есть не только Солнце Правды, но и зримое солнце, животворящее землю. Это христианское язычество, в огромном большинстве своих проявлений, настолько грациозно, наивно и трогательно, что против него редко поднимаются руки даже у самых суровых ортодоксов церковной догмы. Вере оно никогда нигде не мешало.

Напротив, можно смело утверждать, что – где народ начинал терять свои «суеверия», там он весьма скоро расстался и с верою. Да и понятно: почти все христианские «суеверия» проникнуты жаркою любовью к Христу, твёрдую верою в Его могущество и правду, каких не привьёшь человеку катехизическим внушением, – они рождаются из непосредственного, природного самосознания. Вера природная, вера по инстинкту всегда и всюду стояла выше веры рассудочной, вера с наглядным, образным символом чувствуется и держится обыкновенным человеком, не мыслителем, надёжнее и прочнее веры отвлечённой, умозрительной.

Символ праздника праздников, – Св. Пасхи, – красное яйцо. По довольно распространённому мнению, естественное происхождение обычая пасхальных яиц надо приписать

учреждению обязательного поста. В IV веке церковь воспретила употребление в пищу яиц в течение сорокаднейщины, т. е. как нарочно в такое время, когда куры, по вешней поре, начинают нестись с особенным усердием. Запрет соблюдался строго; в домашнем обиходе христиан накоплялось чрезмерное количество яиц, которые хозяева не знали, куда девать; чтобы избавиться от них, стали отдавать в забаву детям. Ввели обычай дарить к празднику родным и друзьям яйца, выкрашенные в пёстрые цвета и расписанные священными фигурами и нравоучительными изречениями. Чтобы освятить новый обряд, сразу полюбившийся поэтически настроенному христианскому обществу первых веков, нашли легендарный авторитет, якобы его утверждающий. Явилось предание, будто считать красное яичко символом Воскресения Христова подала пример Мария Магдалина: она-де, придя в Рим, на Пасху, в амфитеатре, засвидетельствовала своё христианство перед Тиберием, подав ему красное яичко и приветствуя цезаря словами:

– Христос Воскресе!

Завелась игра в красные яйца, живущая и по сие время. Стучали одно яйцо о другое; чьё яйцо было крепче, тот забирал себе все разбитые. Отсюда пошёл обычай варить пасхальные яйца вкрутую, чтобы сделать их жёстче.

Таким – бесспорно ошибочным и наивным мотивом – объясняет происхождение красного яичка, в числе других, Амедей де-Понтье. Но обычай этот гораздо древнее христи-

анства; мы находим его, в разных видоизменениях, и у народов нехристианских. Персы дарят друг другу яйца на новый год, а евреи, как и русские, на праздник своей пасхи. Так как в христианском Риме, а равным образом у франков, при Капетингах, пасха и новый год совпадали, то можно ещё считать открытым вопросом: было ли у них красное яичко подношением пасхальным или новогодним? Что яйцо, как эмблема начала всех начал, пользовалось в древних языческих культах и многих философских системах большим вниманием и почётом, излишне объяснять: факт общеизвестный и общепонятный. «Весь мир – из яйца». Эту уверенность встречаем мы в мифах Индии, Китая, Японии, в финской Калевале; яйцо – отражение макрокосма. Мистическое значение яйца, прямо из язычества, минуя христианство, перешло в средневековую магию, наследницу еврейской Каббалы и восточных дуалистических культов. Колдуны употребляли яйцо для заклинаний дьявола. Ловко вынув желток и белок, они чертили на внутренней стороне скорлупы магические знаки, влиянием которых изводили людей. Сказки русские, западнославянские, немецкие, скандинавские постоянно связывают с яйцом судьбу своих героев. «Где твоя смерть, Кощей Бессмертный? – Моя смерть далече: на море на океане есть остров; на том острове дуб стоит, под дубом сундук закрыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце – моя смерть!» По другой сказке, на диво нежной и грациозной, как нельзя лучше подтверждающей, что и нашей

старине не чужд рыцарский культ женщины, многими для древней Руси совершенно отрицаемый, – в яйце, спрятанном столь же надёжно, как смерть Кощея, заключена «пропавшая любовь» Царь-Девы – солнечной богини. Иван – купеческий сын, после долгих и трудных странствий и приключений, добыл яйцо, угостил им Царь-Деву, и остывшая было любовь её к нему запылала с новой силою. Знакома русская сказочная мифология и с развитием мира из яйца. Царевны, избавленные богатырём от человекоядцев – змиев, дарят ему яичко медное, серебряное, золотое. Разбил богатырь медное яичко, и выросло вокруг него медное царство; в серебряном яичке заключалось царство серебряное, в золотом – золотое. В сказках Оренбургской губернии о Даниле Бессчастном, о Василье Царевиче и Елене Прекрасной мистическое значение придаётся уже не просто яйцу, но именно яичку пасхальному. «Вот тебе, молодец, три яичка: первым похристосуйся с князем, вторым с княгинею, а третьим – с кем тебе век прожить». Данило Бессчастный не уберёг третьего яичка, отдал его не своей жене – премудрой Лебеди-Птице, а первому встречному нищему, и лишился своего счастья и удачи, подвергся сраму и тяжёлым искупительным испытаниям. В яйце – судьба, любовь, царство, мир: яйцо божественно. Из яйца вышел первородный бог орфеевой мифологии – Фанис, осмеянный христианским апологетом Афинагором-афинянином. Из яйца исходит целая серия символических божеств Эллады; шарлатан империи римской, Александр из Абоно-

тейха, не возбудил ни малейшего удивления, когда, по предварительному подтасованному пророчеству, ловким фокусом, вывел перед суеверною толпою из яйца якобы «новорождённого» бога Эскулапа, во образе змеи. Римский обычай начинать трапезу с яиц, – откуда известная поговорка *cantare ab ovo usque ad mala*, – многие изъясняют, как мистическое освящение яйцом всей дальнейшей снеди, подобно тому, как и в наши дни люди, держащиеся за старину, возвратясь от пасхальной заутрени, разговляются прежде всего освящённым яйцом, а потом уже насыщаются прочими кушаньями, заготовленными на праздничный стол. Пётр Петрей передаёт, что в царской Руси человек, который в течение Великого поста касался зубами скорлупы яичной, уже лишался права на причастие в Светлое Христово Воскресенье. Та же кара постигала его, если он имел кровотечение из дёсен. Красное яичко укрощает молнию: если грозою зажгло избу, утишить пожар можно, лишь перебросив через «неборозденное» пламя пасхальное яичко. Оно смиряет нечистую силу. Подружиться с домовым, по народному представлению, очень просто. Стоит лишь запастись красным яичком, которым впервые похристосовался священник после Светлой Заутрени. С таким яйцом и с зажжённою свечою, тоже оставшеюся от пасхальной заутрени, надо стать ночью, до петухов, перед растворенной дверью хлева и сказать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.